

МОГИЛЫ БОГОВ:

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ

ВЫЖИТЬ

18+

Юрист Музы

16+

Могилы Богов

Юрист Музы

**Могилы Богов: Мальчик,
который хотел выжить**

«Автор»

2025

Музы Ю.

Могилы Богов: Мальчик, который хотел выжить / Ю. Музы — «Автор», 2025 — (Могилы Богов)

После череды громких экспериментов научное сообщество было вынуждено признать существование магии. Однако вскоре выяснилось, что волшебники далеко не всемогущи, как казалось изначально. Дети в больнице «Онко-200» не доживают до 18 лет, и никакие чары не могут их исцелить. Им не суждено стать взрослыми, их любовь жестока и требовательна. ***Осторожно! Есть описания физического насилия, болезней и медицинских процедур. Поднимаются темы буллинга и домогательств. Книга частично основана на личной истории, но все совпадения с реальностью случайны.

© Музы Ю., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Новый класс.	5
Побег.	9
Жрец всех Богов.	15
Самооборона.	21
Очки.	25
Душ.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юрист Музы

Могилы Богов: Мальчик, который хотел выжить

Я похоронил своих Богов много лет назад. От них остались лишь могилы. Могилы моих Богов...

Посвящается моей младшей сестренке.

Маргаритка, я восхищаюсь твоей неутомимой волей к жизни! После всего, через что тебе пришлось пройти, ты продолжаешь сохранять оптимизм, любить и мечтать. Ты очень сильная.

Ты звездочка, которая освещает всех вокруг теплыми лучами своего доброго сердца.

Желаю тебе самого крепкого в мире здоровья!

Новый класс.

Я долго терпела. Но всему есть предел. Да, я считаю, что насилие – не выход. Но мне просто не оставили выбора. Сегодня я дам им отпор.

Вальяжно развалившись на стульях, со скучающим видом мои мучители ждали окончания урока. Время от времени на их лицах появлялись хулиганские усмешки. Дик, Зейм и Хари. Они звали друг друга Бледный, Гном и Крыса, будто были настоящей бандой.

Я сжала кулаки под партой. Смейтесь, пока можете. Я теперь я знаю, что вы всего лишь трусы, как и все, кто обижает слабых. Стоит мне немного вас напугать, и вы разбежитесь, как тараканы. И я готова. Я готова на все, лишь бы это закончилось.

Два месяца назад меня перевели в новый класс. Когда умер Ник, в нашем «В» осталось всего шесть человек. В таких случаях класс расформируют по другим группам. Двух мальчиков, попавших в «А» вместе со мной, я знала плохо. Да и вообще я не слишком общительная, больше люблю читать, чем болтать. Видимо, поэтому хулиганы выбрали меня. А еще потому, что я отличница. За пятерки дают больше всего денег.

Это случилось в первую же пятницу после перевода. В этот день обычно открывается буфет, где можно купить сладости, вкусности, игрушки, детскую косметику, красивую одежду, значки, фигурки и всякие прочие безделушки. Стоя в очереди с открытым дневником, я краем глаза заметила, что трое мальчиков за мной следят, но не придала этому значения. Строгая кладовщица молча проверила мои оценки и выложила на стол горсть монет. Я сгребла их в карман рюкзака и вежливо поблагодарила женщину.

Направляясь в буфет за шоколадкой, я радостно предвкушала удовольствие от тающей сладости на языке. Шоколад – моя страсть и моя слабость. Стоит мне только съесть одну дольку, и я уже не могу остановиться. Особенно мне нравится белый пористый. С начинками и горький я не жалую, хотя иногда не против и поэкспериментировать... На лестничной клетке меня остановил Бледный. Он схватил мой рюкзак, грубо сдернул его с плеча и начал обыскивать. Крыса выглядывал из-за угла, карауля непрошенных свидетелей. Гном, подбоченясь, стоял с другой стороны. Видимо, на случай побега. Но я и не смогла бы сбежать. Растерявшись, я в ужасе замерла, пока Бледный деловито потрошил карманы моего портфеля, выкидывая на пол его содержимое. Он выгреб только что полученные деньги и небрежно бросил ранец на пол.

– Пошли, – кивнул он своим поделщикам, и все трое направились вниз, в сторону буфета. На меня они даже не смотрели, слово были одни на лестнице.

Я упала на колени и зарыдала от обиды и бессилия. Меня только что ограбили! Так бесцеремонно и нагло, среди бела дня, а я даже не попыталась их остановить! Дрожащими руками я собрала раскиданные учебники и тетради, вытерла слезы и твердо решила, что добьюсь справедливости. Преступникам не место за партой. Надо рассказать учительнице! Вот только ее кабинет, ожидаемо, оказался пуст.

«Что ж, пара дней ничего не решит, все равно у меня нет другого выхода», – решила я и, как обычно, направилась в библиотеку.

Там было тихо и уютно, наряду со столами и стульями у стен стояли мягкие диваны. Читать на них было одно удовольствие. Сделав все, что задано, я открыла новую книгу: «Венец коллекции». Она описывала приключения злого волшебника, который путешествовал по миру на своей черной колеснице в поисках красивых вещей. Находя что-либо прекрасное, он забирал его для своей коллекции, даже против воли владельца. Драгоценные камни, роскошные платья, диковинные произведения искусства... И вот однажды волшебник завладел портретом принцессы. Она показалась ему самым милым и прекрасным созданием на свете. И скоро картины ему оказалось мало... Чтение отвлекло и успокоило. И все же я долго ворочалась в кровати, прежде чем уснуть.

Наступило утро понедельника. За окном был непроглядный мрак, близилась зима. Я сидела за партой, как на иголках. Бледный и его дружки гоготали над какой-то глупостью, время от времени бросая на меня презрительные взгляды. Наспех приготовившись к уроку, я вышла за дверь, чтобы подождать учительницу там. От их взглядов меня бросало в дрожь, волнение нарастало с каждой секундой. Подкорку посетила трусливая мысль: «А, может, не надо? Может, оставить все, как есть? Деньги ведь уже не вернешь»... Но я тут же отогнала ее прочь. Преступники должны понести наказание. Иначе они продолжают вредить людям. Не мне, так другим.

Я узнала о приближении учительницы по уверенному цоканью ее каблучков. Как и у всех фелисфемов, у нее были кошачьи ушки и хвостик. Изначально созданная магией для удовлетворения низменных потребностей, ее раса сумела доказать, что фотографическая память полезна не только для запоминания капризов хозяина. Добившись равноправия с людьми, фелисфемы в юном возрасте получали профессорские звания, становились экономистами, юристами, учеными... а еще следователями. Поэтому я очень надеялась, что учительница сможет восстановить справедливость. Других вариантов у меня не было. В нашей больнице у каждого класса был только один учитель, ведь необычные способности фелисфемов позволяли им вести сразу все предметы. Даже если это сказывалось на качестве обучения – всем было плевать. Ведь живыми из больницы мы все равно не выйдем. Нам не представится случая применить полученные знания на практике.

– Ты чего тут стоишь, Мио? – спросила учительница, жестом приглашая меня в кабинет.

– Меня ограбили, – дрожащими губами прошептала я. – Профессор Адамалия, в пятницу Бледный... я хочу сказать, Дик, Зейм и Хари... они отняли все мои деньги!

Лицо учительницы стало серьезным, и я испытала облегчение. Сейчас все это закончится, мои обидчики получат по заслугам, и это больше никогда не повторится!

– Дикилан-14, Зейманд-137, Харимон-98, встаньте, – приказала профессор Ронна Адамалия. Хулиганы нехотя поднялись, недовольно поглядывая на меня.

– Вы забрали деньги у Миоланты-29?

– Да врет она все! – гневно выкрикнул Бледный. – Просто хочет еще денег получить, вот и выдумывает чушь всякую!

Я аж поперхнулась от такой наглости. Учительница задумчиво потерла подбородок и опустила ушки.

– Миоланта, ты уверена, что это они? Все-таки это серьезное обвинение. Ты не могла где-то потерять или случайно оставить деньги?

– Нет, они же на моих глазах меня ограбили! Вывернули рюкзак, мне пришлось потом по всей лестнице учебники собирать!

– А доказательства есть? – нагло глядя мне в глаза спросил Бледный. – А то она у меня тоже деньги украла, пусть вернет!

– Миоланта, кто-нибудь может подтвердить твои слова? – спросила профессор Адамалия.

– Нет... – растерялась я. – Я была в конце очереди, потом еще в уборную зашла... Лестница была пустая.

– Как удобно! Видно же, что она все врет! – торжествующе воскликнул Бледный. Гном и Крыса согласно закивали, старательно изображая на лицах невинность.

Учительница сморщила красивый носик. Ее хвост задумчиво покачивался из стороны в сторону.

– Мио, расскажи подробнее, как это произошло, – попросила она, давая себе время на размышление.

– Да, мне тоже интересно, – подхватил Бледный. – Мы что, прямо все трое тебя обворовали? Одновременно? Это как, интересно?

– Дик! Это он забрал деньги. Зейм и Хари стояли рядом. Следили, чтобы никто не видел. Подкараулили меня на лестничном пролете между первым и вторым этажом, вырвали портфель, забрали деньги...

Бледный самодовольно усмехнулся:

– Ты же только что сказала, что я один был, они просто рядом стояли! А теперь «вырвали, забрали»... Что-то не сходится!

Я опешила от такой наглости. Дрожащим голосом я попыталась возразить:

– Да, вырывал портфель ты один, но действовали же вы все вместе... – чем больше я оправдывалась, тем неубедительнее звучали мои слова.

– Дик, ну вот предположим, что она все это придумала, – профессор Адамалия подошла к мальчику. – Но почему тогда Мио указала именно на вас, если вы ей ничего не сделали?

– Да она просто в меня втрескалась, вот и все!

– Нет... – в ужасе прошептала я. К горлу подступали бессильные слезы.

– Да, втрескалась! Давно уже за мной бегают! Вот теперь врет, только чтобы я на нее внимание обратил. Да не брал я ее деньги! Хотите – обыщите!

Он демонстративно бросил портфель на парту. Учительница посмотрела на него с сомнением.

– Они ведь уже все потратили... – сдавленно возразила я.

– Как складно у тебя все получается! – не унимался Бледный. – Ни одного доказательства, но ты почему-то оказываешься права!

– Он тебе нравится, Мио? – мягко спросила учительница.

– Что?! – по моим щекам побежали слезы. Как она может им верить?!

– Это нормально, он симпатичный мальчик...

– Нет, нет конечно! Да как он может мне нравиться?! – в моем голосе сквозили нотки отчаяния.

Я чувствовала себя совершенно беспомощной против такой бесстыдной лжи. Но чем больше я отрицала, тем больше сомнений возникало у учительницы, ведь мне нечем было подтвердить свои слова. Но он, он-то симпатичный?! Да, когда меня перевели в новый класс, и я в первый раз увидела Дика, то даже захотела познакомиться. У него единственного были веснушки, как и у меня. Но это было до того, как он меня ограбил! Теперь же Бледный казался

мне исчадием ада. Сама мысль о том, что он может быть «симпатичным», пусть даже только внешне, казалась дикой. Он мог быть хоть писанным красавцем для всех – но только не для меня. Но как объяснить это профессору Адамалии?!

– Ладно, хватит! – учительница устало потерла лоб и пригладила ушки. – Я разберусь с этим позже, во внеучебное время. Мио, умойся и приходи на урок.

Больше к этой теме она не возвращалась...

Они подкараулили меня в больничном дворе. Как только я вышла из корпуса, чтобы подышать свежим воздухом глубокой осени, меня окружили. Не говоря ни слова, Бледный грубо толкнул меня, и я ударилась затылком о дверь. Горло сдавил спазм, в глазах защипало. Я сползла вниз, глотая слезы обиды и боли. Но Бледный и не думал уходить. Он придавил ногой мою грудь, не давая подняться, наклонился и зашипел:

– Я не думал, что ты настолько тупая, что тебе, как мелюзге, надо все объяснять. Стучать плохо. Стукачей никто не любит. Пожалуйся еще кому-нибудь – я тебе лицо в кровь разобью. Поняла?!

Я всхлипнула и закрыла рот ладонью, чтобы не зарыдать в голос. Еще никто никогда меня не бил, никто не говорил со мной так грубо. Все мое естество протестовало против унижения, но тело сковывал страх.

– Поняла, я спрашиваю?! – в голосе Бледного слышалось рычание. Он сильнее надавил ногой мне на грудь.

Сдерживая слезы, я с трудом прошептала:

– Да...

– Не слышу!

– Да, поняла!

Он убрал ногу, оставив на куртке грязный след.

И это он, он-то симпатичный?! Как такое вообще возможно?!

Торопливо отряхиваясь, я сгорала от стыда. Об меня только что вытерли ноги! В прямом смысле! И что же, мне придется с этим смириться? Такой теперь будет моя жизнь?!

Гулять я не пошла. С тех пор я вообще больше во двор не выходила.

Побег.

Неделя пролетела незаметно, будто во сне. Я машинально делала уроки, отвечала у доски, посещала столовую вместе со всеми, но мою душу как будто заморозили изнутри. Меня ничего не радовало, только «Венец коллекции» помогал на время забыться. Злой волшебник тайно проник на бал, чтобы посмотреть на принцессу. Вживую она была еще более совершенна, чем на картине. И тогда в голове мага созрел коварный план. Он начал собирать изысканные платья, туфли, ожерелья и серьги, представляя, как они будут смотреться на красавице. Когда все было готово, чародей проник в королевские покои и украл девушку. Однако план злого волшебника провалился: принцесса не оценила окружавшей ее красоты, и возненавидела своего похитителя. С каждым днем пролитых слез она становилась все менее и менее привлекательной. В надежде вернуть прелестное создание, в которое он влюбился, маг пообещал ей самый главный дар волшебника: то, ради чего изначально и создавалась магия. Он сказал, что исполнит любое ее желание. В рамках разумного, конечно: волшебство может нарушать законы физики, но это не абсолютная сила. Например, еще никому не удалось вернуть мертвого к жизни. «Или вылечить тех, у кого иммунитет к магии, как у нас», – мысленно добавила я. Выслушав предложение чародея, принцесса явно повеселела. Она вытерла слезы и загадала желание: вернуться домой и больше никогда не видеть своего похитителя.

Чтение помогало, хоть от него иногда и болела голова. Мне уже почти удалось все забыть...

Снова наступила пятница. Я проглотила обед, почти не чувствуя вкуса, и побежала к кладовой, чтобы попасть в середину очереди. Не станут же они меня грабить при всех! Получив у кладовщицы монеты, я постаралась смешаться с толпой, прячась от озлобленно-беспомощных взглядов своих обидчиков. Вжав голову в плечи и глядя под ноги, я проскользнула мимо хулиганов, поджидавших на лестнице, как и в прошлый раз. Но не успела я выдохнуть с облегчением, как кто-то дернул меня сзади за рюкзак. Я едва не потеряла равновесие. Бледный с перекошенным от гнева лицом намертво вцепился в ранец.

– Помогите! – закричала я, озираясь вокруг. Кто-то отвел взгляд, кто-то вжался в стену. – Помо...

Бледный дернул на себя рюкзак, наотмашь ударил меня по губам, а затем зажал мне рот грубой ладонью.

– Заткнись, шизик вонючий! Чего орешь, как полоумная?! По хлебалу захотела?! – хулиган злобно сплюнул и окликнул невольных свидетелей. – Чего встали? Тоже получить хотите?!

Гном и Крыса подозрительно шурились, стоя рядом. Дети испуганно заторопились назад, подальше от нас. Хулиганов трое. Конечно, все их боятся...

– Я сейчас уберу руку, – сказал Бледный. – Будешь еще вонять – получишь по морде. Тебе все ясно?!

«Вонять»? Видимо, на их ломаном языке это означало «кричать»... Я закивала головой, и он меня отпустил, сдернув рюкзак и бросив его своим подельникам.

В этот раз они не просто выпотрошили мой портфель, но и специально раскидали учебники по коридору первого этажа. Глотая слезы унижения, я ползала по полу под искусственным светом, собирая их. Дети проходили рядом, бросая на меня сочувственные взгляды. Одна девочка из параллельного класса начала мне помогать.

– За что они тебя так? – спросила она, подавая мне учебник.

– Ни за что! Им просто деньги нужны, а я хорошо учусь, – я всхлипнула.

– Ужас какой! Я слышала, они и у малышей иногда деньги отнимают...

– Помоги мне, пожалуйста! Расскажешь моей учительнице, что все видела? А то она мне не верит...

Девочка испуганно замерла.

– А если они меня тоже побьют?

Действительно, об этом я и не подумала. Мне казалось, достаточно того, что кто-то увидит. С чего я взяла, что он сразу захочет мне помочь?!

– Извини, мне пора идти, – она торопливо сунула мне в руки собранные тетради и убежала, стыдливо пряча взгляд.

Молодец я, конечно... Оттолкнула единственного человека, который меня пожалел! Разумеется, она боится. А кто бы не боялся?! И я боюсь. Вот только убежать, как она, не могу...

Умывшись, я пошла в библиотеку и продолжила читать «Венец коллекции». Конечно же, злой волшебник нарушил свое слово и не отпустил принцессу. Тогда она решила сбежать. Вот, и тут побег... Как жаль, что мне от своих мучителей никуда не деться! Хотя... хотя почему же...

Больница имела крестообразную форму, сверху она выглядела как две пересекающиеся в центре полоски пластыря. Границы корпусов проходили продольно по центру каждой полосы. Таким образом, каждый из четырех блоков имел по два крыла с окнами во двор: медицинское и учебно-жилое.

Кладовая располагалась на третьем этаже, буфет – ниже, на первом, отведенном под столовую. Он, как и кладовая, размещался в центре, там, где сходятся корпуса. Поэтому все дети, получив деньги, обычно сразу спускались на первый этаж. Однако лестницы есть и в конце каждого крыла, не только в центре. Все ведь так просто, почему раньше мне не приходило это в голову?!

Всю неделю я, как прежде, с нетерпением ждала пятницы. Ох, как давно я не ела шоколада! От одной мысли о сладости у меня текли слюнки. Как я надеюсь, что этот затянувшийся кошмар скоро закончится!

Стоя в очереди к кладовщице, я с опаской поглядывала на хулиганов. Самодовольно усмехаясь и переругиваясь, они скрылись на центральной лестнице. Получив деньги, я стремглав бросилась в учебно-жилое крыло. Только бы они не заметили!

Задыхаясь, я сбежала вниз. Остался всего один коридор, и я у цели! От бега у меня потемнело в глазах и закололо в боку. Я остановилась, чтобы перевести дух, и затем пошла быстрым шагом. Краем глаза я заметила движение у центральной лестницы, но тут же нырнула в дверь буфета. Победа! Наконец-то!

Все еще задыхаясь, я подошла к девушке в фартуке, вывалила горсть монет и указала пальцем на блестящую обертку белого пористого.

– На все? – спросила буфетчица.

– Да, – выдохнула я.

Она выдала мне три плитки. Прижимая шоколад к груди, словно сокровище, я отошла в сторону. Варварски разодрав упаковку, я впиалась зубами в лакомство. Боги, как же вкусно! Сладость таяла во рту, оглушая отвыкшие рецепторы. Я закрыла глаза от удовольствия... но вдруг почувствовала смутную тревогу и оглянулась.

Мои обидчики стояли в дверях, но внутрь не заходили. Видимо, побоялись преследовать меня на глазах у взрослых. Поймав мой взгляд, Бледный поднял руку и большим пальцем провел по шее, словно перерезая горло.

Мне стало страшно. Что они теперь со мной сделают?! Может, не стоило мне от них сбежать? Я посмотрела на раскуроченную плитку в своих руках. Молочный цвет ровных клеточек,

нежные пузырьки внутри, подтаявшие следы пальцев... Нет, все было не зря. Не могу же я жить совсем без шоколада. Будь, что будет. Я откусила еще кусочек, наслаждаясь мягким хрустом.

Когда буфет закрылся, мне все же пришлось уйти. Буфетчица и так уже последние полчаса бросала на меня подозрительные взгляды. Покидать место, где я чувствовала себя в безопасности, было страшно. Как оказалось, напрасно – хулиганов в коридоре уже не было... Очень хотелось верить, что они обо мне забыли.

Выходные я провела, прячась в библиотеке. В нашей комнате было трое девочек помимо меня, но я уже знала, что детей мои обидчики не стесняются. В столовую я пробиралась, пугливо оглядываясь и вздрагивая от каждого шороха. Специально немного опаздывала и уходила, едва притронувшись к еде, чтобы хулиганы не могли подкараулить меня у выхода.

Зато я дочитала «Венец коллекции». Принцесса сбежала. А потом еще раз, и еще. Но каждый раз чародей находил ее и возвращал. Волшебники могут найти целое по части, а мы всегда оставляем следы: отпечатки, частички кожи, волоски... Интересно, а детей с иммунитетом к магии тоже можно найти, или у нас получится стать невидимками? Побег стали своеобразной игрой для чародея и девушки, и когда злой волшебник все-таки решил отпустить принцессу, она не захотела уходить. Как водится в сказках, потом они жили долго и счастливо.

Я захлопнула книгу и потеряла виски. Голова гудела. Видимо, надо дать глазам отдохнуть... Конец книги разочаровал. Не верю я в такие приторные концовки... Или они только для красавиц? А я не красавица, поэтому со мной такого никогда и не будет?

– Мио, почему ты опоздала? – спросила профессор Адамалия. Ее кошачьи ушки недовольно подрагивали, – На тебя это не похоже.

– Мне... мне стало нехорошо, – соврала я. По понедельникам до занятий мы сдавали кровь, и иногда кому-то действительно становилось плохо. Но если бы я сказала ей правду, что боюсь мести Бледного, она бы снова мне не поверила.

– Ладно. Раз уж ты все равно у доски, то будешь первой. Твой доклад об открытии магии готов?

– Конечно.

Я бросила портфель на первую парту, где обычно сидела.

Люди всегда хотели невозможного, всегда хотели исполнения желаний. Исследования в этой области велись едва ли не со дня зарождения цивилизации. Первым волшебником стал монах. Он научился использовать силу звезд для нарушения законов физики. Маг наложением рук исцелял раны, призывал дождь и мог найти любой предмет, взяв в руки его частицу. Однако он быстро уставал, здоровье его стало ухудшаться, и вскоре первый волшебник умер во сне. Его единственный ученик Бэнзорг Звездный продолжил дело мастера, и достиг небывалых высот. Он публиковал статьи в известных журналах, и после череды громких экспериментов существование магии было официально признано научным сообществом. У Бэнзорга появились свои ученики. Постепенно научно-технический прогресс сменился магическим: вечные двигатели, ковры-самолеты, лекарства от всех болезней – все это стало реальностью.

Только вот странное дело: у второго волшебника часто сменялись помощницы. В городах, где он появлялся, то и дело пропадали девушки.

Когда Бэнзорга застали с телом жертвы, отрицать очевидное он уже не смог. Оказалось, что сила звезд ни при чем. На самом деле магия расходует жизненную энергию, поэтому первый чародей так быстро умер. А его ученик нашел способ этого избежать. Через особый Ритуал силы он впитывал в себя жизни других людей.

Новость о том, что магия требует человеческих жертв, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Были изданы законы, запрещающие использование волшебства, а Бэнзорг был объявлен в розыск за совершенные преступления. Но отказаться от магии человечество уже не могло. Люди все равно шли к волшебникам. Многие болезни, казавшиеся ранее неизлечимыми, исчезали от простого наложения рук, засухи и неурожая ушли в прошлое – кто в здравом уме от такого откажется? Правительства всех стран объявили охоту на магов.

Старая, Бэнзорг решил примириться с властью. Он привел к королю своей страны людей с серой кожей, которых сам создал. Сказал, что отныне волшебники будут использовать только их для Ритуалов силы. Он и его ученики поклялись на крови, что не станут применять магию во вред человеку, и король издал новые законы. Отныне чародеями руководил Совет девяти, где пятеро были людьми, и лишь четверо – магами.

Однако не всем новые порядки пришлись по душе. Один ученик Бэнзорга Звездного, ныне известный как Ашкаро Предатель человечества, отказался приносить клятвы на крови. Он был объявлен вне закона и скрылся в горах. Разумеется, он тоже взял себе учеников. Так появились злые волшебники – те, кто не давал клятв и чьи возможности не были ограничены моралью. Они сделали многое для магического прогресса, но волшебство по-прежнему не может исполнить все желания.

– Взять хотя бы нас. Нам не повезло родиться с иммунитетом к магии. А поскольку раковые клетки образуются в организме постоянно, наша поломанная иммунная система почти не способна с ними бороться. Вот и получается, что мы часто болеем онкологией, а волшебники не могут нам помочь, не могут исполнить наше главное желание – выздороветь...

Когда я закончила, в классе повисла тревожная тишина.

– Спасибо, Мио! Только незачем распространять упаднические настроения. Вас лечат здесь, продлевая жизнь в несколько раз. Конечно, вы живете меньше других детей, но жадность – грех перед Богами. Будьте благодарны за то, что имеете, – фелисфем пригладила свои ушки. – Теперь Крил расскажет нам об изобретении телефона. К доске, пожалуйста.

Закончился последний урок, и я начала собирать со стола учебники и тетради. С тех пор, как у меня начали забирать деньги, другие дети опасались садиться рядом. Вдруг передо мной возник Бледный.

– Что, Вонючка, набегалась? – с этими словами он слегка наклонился и вдруг опрокинул парту на меня. Я не успела встать со стула и с грохотом упала назад, ударившись спиной о соседний стол. Не слишком больно, но все же ощутимо. И, главное – унижительно. На глазах всего класса меня валят на пол, смешивают с грязью, оскорбляют! Слезы обиды и возмущения потекли по щекам.

Бледный отвернулся и вышел из класса. Учительница подошла ко мне.

– Тише, тише... Ну ты чего... Ударилась?

– Да! – всхлипываю я. Но в глубине души рождается радость. Теперь все видели! Теперь они не смогут это игнорировать! Теперь все закончится!

– Но ведь не сильно же? Ты, наверное, больше испугалась...

Я поперхнулась от возмущения. Да, я плачу не от боли, а от бессилия и унижения. Но только что на Ваших же глазах на меня опрокинули парту! И мне не предлагают сходить к врачу, я не слышу ни грамма осуждения в сторону Бледного, мне просто предлагают успокоиться, потому что ведь «не настолько же больно»!

– Да я... Да неужели Вы это так оставите?! – смогла я выдать сквозь слезы. – Они отнимают у меня деньги, они меня бьют, уже даже на Ваших глазах! И я что, я виновата, что плачу?!

– Ну что ты, успокойся...

– Доказательств, значит, мало... Да спросите буфетчицу! Никто из их троицы ничего выше тройки не получал, но у них регулярно бывают деньги. Откуда?! А что бьют, так сейчас же целый класс свидетелей просто! Что еще должно со мной случиться, чтобы Вы обратили на это внимание?!

Профессор Адамалия устало потерла лоб.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? Мне посадить Дика под домашний арест?

Дом у нас не такой, как в книжках. Дом – это комната с белыми мягкими стенами, где запирают нарушителей порядка. Иначе почему арест называется «домашним»?

– Нет! Он же когда выйдет, – я всхлипнула, – он же меня убьет!

– Тогда чего ты от меня хочешь? – с ноткой раздражения спросила учительница.

– Я не знаю... Вызовите полицию...

Фелисфем усмехнулась.

– Полиция сюда не придет. Суммы маленькие, травмы небольшие – это не преступление. Да и мальчики возраста не того, чтобы их в тюрьму сажать.

– Но можно же что-то сделать! – с отчаянием в голосе умоляла я. – Они же продолжают!

Профессор Адамалия задумалась.

– Пойдем к директору.

Я вытерла слезы:

– Хорошо!

Директор был высоким и строгим. Короткие черные волосы и костюм придавали ему важности. Его кабинет был большим и просторным.

Выслушав мои сбивчивые объяснения, директор задумчиво постучал ручкой по блокноту.

– И что я могу сделать? Он ребенок, такой же, как и ты. Вы что, не можете там сами разобраться?

– Но... Но я же... Ведь меня... – я потеряла дар речи. Неужели никому нет дела до моих проблем?!

– Чего ты от меня хочешь?

– Не знаю! Но Вы же должны что-то сделать! – с отчаянием в голосе воскликнула я.

Директор недовольно скривился:

– Я тебе лично ничего не должен, девочка.

Он начал чертить какие-то каракули в блокноте:

– Могу перевести тебя в другой класс. Но нет гарантии, что все не повторится. Стукачей нигде не любят.

У меня сердце ушло в пятки. Это что же получается, раз я рассказала о том, как меня ограбили и побили, то теперь везде меня будут ненавидеть?! Я теперь «стукач»?! Бледному я не верила, но теперь и директор говорит то же самое...

Я представила себя в новом классе. Там все незнакомые, и у всех почему-то лица, как у Дика. А если там будет больше таких, как он?! Кто знает, хорошая ли у них учительница? А профессор Адамалия все-таки меня пожалела. Да, она мне не помогла, но хотя бы отвела к директору. А раз даже он не может ничего сделать, то ее я точно осуждать не могу... Что, если там и учитель будет, как директор?! Меня охватил ужас.

– Не надо меня переводить, – обреченно ответила я. – Дик все равно будет поджидать меня у кладовки.

– Ну вот видишь, ты сама не хочешь помощи. Так зачем ты сюда пришла?

Я пристыженно молчала. Действительно, что они могут сделать? Чего я ожидала? Магии, к которой у меня иммунитет?!

– Да... создала же ты нам проблему, – недовольно протянул директор.

– Я не хотела никому создавать проблем. Я же не специально. Я же не виновата, что он у меня все отнимает! – на глаза наворачиваются слезы. Я начинаю потихоньку всхлипывать. Директор недовольно морщится.

– Домашнего ареста для него ты не хочешь, перевода ты не хочешь. Может, ты все-таки сама как-то попробуешь с ним договориться?

– Ладно, – всхлипываю я. Плевать, мне уже просто хочется, чтобы этот разговор поскорее закончился.

– Вот и славно, – в голосе директора явно слышится облегчение. – Свободна.

Я обреченно закрываю за собой дверь его кабинета. Дальше директора точно идти некуда. Я осталась один на один с Бледным и его шайкой.

Жрец всех Богов.

О моем походе к директору хулиганы, видимо, не узнали. По крайней мере, меня за это не побили.

За неделю я так и не придумала, как себя защитить, поэтому в пятницу, холодея от ужаса, я покорно ждала своей участи. Не сопротивлялась, когда они срывали с меня портфель, и выдохнула с облегчением, когда, рассыпав по лестнице учебники и тетради, хулиганы удалились. На сегодня все кончилось! Если не сопротивляюсь, меня хотя бы не бьют. Максимум – обзываются и иногда толкают, проходя мимо. Это не страшно.

В субботу открывалась часовня, и я решила ее посетить.

С тех пор, как запретили религиозную пропаганду и заявления о превосходстве одной религии над другой, все чаще стали появляться святилища всех Богов. Там каждый мог молиться по правилам своей веры. В обрядах помогали жрецы, изучившие священные книги и каноны наиболее распространенных религий. Вот и в больнице была своя часовня, относящаяся ко всем верованиям сразу. Она располагалась на самом верхнем этаже, в центре здания. Там, где сходились все четыре корпуса. Однако в святилище, как и в кладовую, и буфет, нас пускали в разное время. Мы никогда не видели детей из других корпусов.

Внутри часовни царил полумрак, горели свечи и благовония. Кто-то читал какой-то священный текст, но понять, к какой вере он относится, без расписания было сложно. Я присоединилась к небольшой очереди в исповедальню. В детстве я частенько здесь бывала. Мне нравилось слушать древние легенды и описания жизни людей, умерших тысячелетия назад. Но потом я научилась читать, и мое внимание захватили книги.

Подошла моя очередь, и, нырнув под тяжелую занавеску, я оказалась в небольшой комнате, в центре которой спинками друг к другу стояли два стула. На одном сидел жрец всех Богов в красном одеянии. Я мельком увидела ритуальные узоры на его щеке, прежде чем опуститься на стул. Сидение было жестким, деревянным.

– Какому Богу ты хочешь исповедаться, дочь моя? – голос у жреца был низкий и мягкий.

– Не знаю, – растерялась я. – Мне просто очень нужен чей-то совет. Сможет ли кто-то из Богов мне помочь?

– Слушаю тебя, дитя.

И я все ему рассказала: и про ограбление, и про унижения, и про равнодушие взрослых. Я не заметила, как по моим щекам полились слезы. Он молча слушал, изредка задавая вопросы.

– Я в отчаянии! И что мне теперь делать? Как это все остановить?! – закончила я, всхлипывая.

Жрец тяжело вздохнул.

– Страдания очищают душу. Почти все религии говорят о загробной жизни. Верешь ли ты в рай, nirвану, перерождение или иное место, куда попадешь после смерти, дочь моя?

– А такое место правда существует? – спросила я с сомнением.

– Многие в это верят. Доказательств нет, но не стоит недооценивать силу веры миллионов людей!

– Хорошо, не буду, – растерянно согласилась я.

– Земная жизнь скоротечна. Особенно у вас, детей, которым не суждено стать взрослыми.

Не надлежит ли тебе более заботиться о вечности?

– Как это?

– Не делаешь ли ты сама чего дурного?

– Да нет, вроде бы... – я пожала плечами. – Это же меня обижают, а не наоборот. Я только жаловалась на них. Это плохо?

– Вовсе нет. Боги не запрещают искать защиты.

– А если я сама начну как-то защищаться?

Жрец помедлил с ответом.

– И это не запрещено. Но смотри, как бы не стало хуже... Насилие порождает насилие. А терпение и смирение – это добродетели. Боги не дают испытаний больше, чем человек может вынести, – назидательно сказал он.

– Да, я от этого не умру, – всхлинула я. – Но неужели же нет никакой возможности как-то это все остановить?! Да, мы живем мало, но разве это делает нашу жизнь неважной?! Я не хочу страдать, даже если это очищает душу!

– Не противься воле Богов, и тебе воздастся. Если смиренно и терпеливо примешь испытание, то хулиганам надоест, и они сами оставят тебя в покое.

– Не оставляют! Они не откажутся от денег! – сквозь слезы возразила я.

– Но ведь деньги – это мирское... Ты не заберешишь их с собой в могилу.

– Однако здесь, в этой жизни, я смогу купить на них шоколадку!

Жрец неодобрительно поцокал языком.

– Ты хочешь получить удовольствие плоти. Сладкое вредно. Быть может, Боги так заботятся о твоём здоровье.

У меня внутри все похолодело. Так это желание Богов?! Значит, мне придется отказаться от шоколада? Навсегда?!

– Но я не хочу... я не готова... я же не так прямо много его ем... за нашим здоровьем следят, это не вредит... – я умоляюще сложила руки, будто бы это жрец мне что-то запрещал.

– Боги не хотят нам зла, – сказал он мягко. – Они знают гораздо больше нас. И всегда делают нашу жизнь лучше, даже если мы, в силу своей ограниченности, не способны это разглядеть. Просто представь, что все, происходящее с тобой – это не кара, а подарок Богов. Как это изменит твою жизнь?

Я задумалась. Может, и правда, все не случайно?

– Я могу перестать учиться. Если я перестану получать пятерки, и у меня не будет денег, то они от меня отстанут! – от этой мысли мне вдруг стало очень спокойно, и даже отказ от шоколада уже не так пугал. – Да, не буду делать задания, и тогда у меня появится больше времени на чтение! А еще...

Смущенно потупившись, я замолчала. Но когда, если не сейчас?

– А еще у меня есть одна мечта... Я много читала про любовь, и вот... я очень хочу, чтобы меня кто-нибудь поцеловал. Моя прошлая учительница советовала нам составить список того, что мы хотим успеть в этой жизни... Так вот, это желание стоит у меня на первом месте. Может, теперь у меня появится больше времени, чтобы что-то сделать для его исполнения? Мне целых пятнадцать лет, хватит уже просто ждать!

Жрец по-доброму усмехнулся.

– Вот видишь, Боги мудры и милосердны. Возможно, испытания были ниспосланы тебе, чтобы вырвать из рутины бытия. Теперь ты можешь обратить внимание на свои истинные желания.

– Меня же не ждут за это вечные страдания или что-то подобное? – вдруг засомневалась я. – Это же не грех – целоваться?

– Не грех в большинстве религий, – успокоил меня жрец всех Богов.

Из часовни я вышла воодушевленная.

Это было так непривычно – приходиться на урок неподготовленной. Занятия вдруг стали тянуться невыносимо медленно. Я даже перестала слушать учительницу, глядя в окно и мечтая о поцелуе. Как это могло бы произойти? Кто станет моим избранником? Жаль, что в нашу больницу принцев не завезли... Вот было бы здорово, если бы меня похитил какой-нибудь красивый злой волшебник! Из приятного забытья меня вырвал голос профессора Адамалии:

– Мио, может быть, ты хочешь решить этот пример? Какая-то ты сегодня неактивная.

Я с ужасом поняла, что сейчас мне придется объяснить все учительнице. Как же это сложно... Обреченно поднявшись под пристальными взглядами всего класса, я смущенно прошептала:

– Я ничего не учила.

– Просто реши по образцу. Иди к доске.

Машинально сделав шаг, я себя остановила. Нельзя отступить.

– Нет, – краснея от стыда, возразила я. – Не буду.

– Тогда мне придется поставить тебе двойку, – фелисфем нахмурилась.

– Я знаю. Но я больше не буду учиться. Деньги у меня все равно отнимают, – в моем голосе послышались нотки обвинения.

– Как скажешь, – учительница смотрела на меня с холодным безразличием. – Я в тебе разочарована. Миоланта-29, два. Давай дневник. Что ж, кто хочет к доске?

Крил подняла руку, а я с облегчением опустила на стул, пряча горящие щеки в ладонях. Не знала, что это будет так мучительно стыдно! Мне хотелось провалиться сквозь землю. Я не осмеливалась даже смотреть на профессора Адамалию, когда забирала дневник. Это была моя первая двойка за несколько лет.

Я медленно выдохнула. Все, самое сложное уже позади. Ничего, со временем мне станет плевать на оценки. Стыдно перед учительницей, но у меня нет выбора. Перемены – это всегда тяжело...

Они подкараулили меня возле выхода из уборной.

– И что это было, Вонючка? – презрительно процедил Дик.

– Ничего. У меня больше ничего нет, – побледневшими губами прошептала я. – Оставьте меня в покое, пожалуйста.

– Ты че-то шибко борзая стала, тварь, – Крыса сложил руки на груди. – Что будем с ней делать, Бледный?

Я бросилась в уборную и попыталась закрыться.

Бесполезно. Гном успел просунуть ногу в щель, остальные навалились на дверь и ворвались внутрь.

Бледный догнал меня, прижал к стене и ударил кулаком по лицу. Нос взорвался болью, обильно потекла кровь. Она просачивалась сквозь пальцы левой руки. Правую я вытянула вперед, пытаясь защититься. Дик хотел ударить меня еще раз, но остановился. Видимо, он тоже не ожидал, что будет столько крови. Меня спасли слабые сосуды.

– Не хочешь по-хорошему, будем говорить по-плохому. За каждую двойку я буду выбивать тебе по зубу. Ты все поняла?! – процедил Бледный.

Я представила себя без зубов. Больно, некрасиво и страшно... Сдерживая рвущиеся наружу рыдания, я с горечью зашептала:

– Да, я все поняла! Честно! Обещаю! Не бей больше, пожалуйста!

Слова отдавали солоноватым вкусом крови.

Бледный с сомнением посмотрел на меня. Мой подбородок был полностью красный, кровь капала на форму, на пол, и будто совсем не собиралась останавливаться.

Он сплюнул и брезгливо отвернулся. Кивнув Гному и Крысе, Бледный направился к лестнице.

Немного придя в себя и успокоившись, я поплелась в кабинет врача. Короткий зимний день уже закончился, и лишь стекла на лестничной клетке отделяли меня от мрачного холода ночи. До отбоя оставалось несколько часов, поэтому была надежда, что доктор еще работает. И верно, из-под двери кабинета пробивался свет. Я осторожно постучала:

– Можно?

– Да-да, входите!

Доктор Алоин Вотарг был необычайно красив. Длинные русые волосы сверху были собраны в хвост, нижняя их половина рассыпалась по плечам. Его взгляд был строгим, а голос – низким, бархатистым и добрым. Он всегда был готов выслушать, всегда спрашивал о самочувствии. Может, это была его обязанность, но все равно говорить с ним было приятно. Доктор Вотарг знал нас с самого детства, был рядом в самые трудные минуты, снимал боль, утешал.

Увидев меня, врач отложил магическую книгу (МК), в которой что-то писал. Взгляд его стал взволнованным. Доктор Вотарг четко выверенными движениями достал какую-то коробочку, набрал воды в ванночку и подошел ко мне.

– Садись на кушетку. С кем имею честь?.. – спросил он мягко.

– Миоланта-29.

– Мио, значит. Подержи-ка, пожалуйста, – он приложил ватный валик к моему носу и смочил сложенный бинт. – И что же случилось, Мио?

От мягкого тона его голоса мне почему-то захотелось плакать. Рядом с ним было так тепло, уютно и безопасно!

– Это одноклассники. Они отнимают у меня деньги и бьют. И я ничего не могу с этим поделать! – непрошенные слезы градом катились по щекам. Доктор Вотарг медленно, почти нежно стирал кровь с моего лица.

– Ты говорила учительнице? – спросил он тихо.

– Да! Я всем говорила, я пыталась, даже к директору ходила... – я всхлипнула.

– Вот как?

– Да! Но ничего не помогло. Всем наплевать на меня, никто ничего не хочет делать... Либо просто не может. Но ведь то, что со мной происходит – это неправильно! Должен быть какой-то выход!

Мокрый бинт замер на моей щеке. Дыхание доктора Вотарга сбилось, его взгляд затуманился.

– С Вами все хорошо? – спросила я обеспокоенно.

Он встал, отвернулся от меня и оперся о стол.

– Прости, это сейчас пройдет... – он извиняюще улыбнулся, стараясь не смотреть на мое лицо. – Не подумай ничего такого... Мне просто тяжело работать с кровью. Понимаю, это не лучшее качество для врача. Но с появлением волшебников нас осталось так мало, теперь больше никто не хочет обучаться медицине...

– Да, Вы когда-то мне это уже говорили, – успокоила его я.

– Может быть. Я стараюсь держаться, но ты просто вся...

Я бросила взгляд на перепачканную форму. Да, видок у меня был не очень.

– Может, я могу Вам чем-то помочь? – вежливо и сочувственно спросила я.

– Да. Я буду очень благодарен тебе, если ты сама умоешься. А потом я осмотрю твою рану.

– Да, сейчас!

– Спасибо тебе, Мио. Просто я давно не видел столько крови... Хирургом я бы точно никогда не стал, – шутливо-извиняющимся тоном добавил врач.

Спрыгнув с кушетки, я подошла к раковине и включила воду. Ужаснувшись своему отражению в небольшом зеркале над краном, я тщательно умылась. Его боязнь крови казалась мне даже милой. А что, если... Что, если попросить о поцелуе Алоина Вотарга? Да, он взрослый, но уж точно меня не обидит, и он куда лучше всех мальчиков, которых я знаю!

– У меня все еще идет кровь, – сказала я, глядя, как красная капля ползет к губам по только что умытому лицу.

– Подойди-ка, – приказал доктор Вотарг и приложил к моему носу новый ватный валик. – Подождем. Уверен, скоро остановится.

Я смущенно смотрела на него, слегка запрокинув голову. Было что-то непривычное в его красивых голубых глазах. Тишина угнетала. А что, если прямо сейчас спросить его о поцелуе?

– Скажите, пожалуйста... Почему Вы решили стать врачом, если боитесь крови? – решила я задать вопрос.

Доктор Вотарг грустно улыбнулся:

– Это все мой отец. Он был человеком крайне традиционных взглядов, и искренне верил, что медицина в конце концов победит магию. Но, как видишь, отец ошибался. Я отучился по его настоянию, но никогда не думал, что буду работать по специальности. А потом мне предложили место здесь.

– И Вы согласились?

– От такой зарплаты не отказываются. Да и делать что-то полезное для общества – это приятно. Придает жизни смысл, высшую цель.

– Для общества? Но ведь всех лечат волшебники...

– Как видишь, не всех, – врач мечтательно покачал головой. – Уже сейчас достаточно много тех, кто нуждается в нашей помощи. А сколько еще будет таких в будущих поколениях! Если мы найдем способ вылечить хотя бы одного из вас, то поможем тысячам, а то и миллионам!

В его голосе звучала убежденность воюющего за правое дело. Доктор Вотарг вдруг обеспокоенно посмотрел на меня.

– Я не говорю руководству о своей гемофобии... Так по-научному называется боязнь крови. И очень хочу, чтобы никто не знал о моем постыдном секрете. Обещаешь, что никому не скажешь?

– Да, хорошо. Я уже обещала, но обещаю еще раз. Никто об этом не узнает.

Он зачем-то легонько сжал мое плечо. Его ладонь была холодной, я почувствовала это даже сквозь ткань рубашки.

– Мио, это будет наша с тобой маленькая тайна, – голос доктора Вотарга стал доверительным и напряженным. – Хорошо?

– Ладно, – неуверенно согласилась я. – Кажется, кровь больше не идет.

– Давай посмотрим, – доктор Вотарг убрал ватку, взял меня за подбородок, покрутил голову в разные стороны и осторожно потрогал нос красивыми, почти женскими пальцами. – Так больно?

– Нет, – прошептала я. Нет, нет, нет, он откажется. Точно откажется, только душой себя выставлю. Не будь он таким взрослым, я бы точно его попросила. Но увы...

– Хорошо. Перелома нет, обычный ушиб. Я назначу тебе заживляющую мазь, завтра получишь ее у кладовщицы. Наносить тонким слоем два раза в день, – взгляд врача стал строгим. – Ты все поняла?

Меня передернуло. В моей голове этот вопрос прозвучал голосом Бледного.

– Да. Да, я поняла, – я потупила взгляд и торопливо продолжила. – Если интересно, это все Дикилан-14, Зейманд-137, Харимон-98. Только, пожалуйста, доктор Вотарг, не говорите им! Если они узнают, что я жалуясь, меня опять побьют...

– Хорошо, не буду, – заверил меня врач, возвращаясь к записям в магической книге.

Он сдержал слово. Он вообще никому ничего не сказал. Но я уже и не надеялась, раз даже директор не смог мне помочь...

Самооборона.

Я долго терпела. Но всему есть предел. Да, я считаю, что насилие – не выход. Но мне просто не оставили выбора. Сегодня я дам им отпор.

Вальяжно развалившись на стульях, со скучающим видом мои мучители ждали окончания урока. Время от времени на их лицах появлялись хулиганские усмешки.

Я сжала кулаки под партой. Смейтесь, пока можете. Я дочитала «Искусство войны» и «Основы самообороны». И теперь я знаю, что вы всего лишь трусы, как и все, кто обижает слабых. Стоит мне немного вас напугать, и вы убежите, сверкая пятками. И я готова. Я готова на все, лишь бы это закончилось.

Уже и не помню, когда я в последний раз ела шоколад. Кажется, я забываю его вкус. Но больше они не будут забирать у меня радость жизни. Хватит уже плакать. Хватит уже быть жертвой.

Профессор Адамалия написала задание на доске и разрешила идти. Дети дружной гурьбой ринулись в столовую. Внизу очередь двигалась медленно. У входа, как обычно, стояли две медсестры. Одна раздавала лекарства и воду, другая отмечала прибывших.

Меня охватила тревога. На уроке я еще могла занять голову заданиями, но теперь томительное ожидание не давало отвлечься. Я упорно гнала от себя лишние мысли. Волнение – это нормально. Даже великие полководцы испытывали его перед битвой.

– Миоланта-29, – назвалась я, когда, наконец, подошла моя очередь. Мне выдали стакан воды и аккуратную маленькую мензурку с таблетками. Кто-то глотает их залпом, но я так могу подавиться, поэтому пью по одной. Синенькая маленькая, желтая побольше, две розовые выпуклые, белая вытянутая, капсула красно-белая. Сегодня немного, потому что я не болею, у меня ремиссия. Это так, в основном ферменты для поддержания функций внутренних органов.

На обеде стараюсь сесть подальше от хулиганов. На подносе – тарелка с овсянкой, хлеб с маслом и сыром, и мое любимое какао. В больничном крыле кормят хуже. А если заработаешь рак пищевода, желудка или кишечника, так вообще на специальную диету посадят, а это ужас как невкусно. Хорошо, что у меня ремиссия.

Звук гонга, и теперь можно есть. Мне кусок не лезет в горло, но я все равно заставляю себя проглотить несколько ложек каши. Какао выпиваю залпом. Какой-то пятилетка начинает баловаться с едой и роняет кружку.

Санитар строго окликнул ребенка, пригрозил, что его съест Пожиратель младенцев, и куда-то увел его. За порядком в столовой следят строго. Но малыши, которых только перевели в больницу, этого еще не знают. Неужели этого мальчика посадят в дом? Что значит его баловство по сравнению с тем, что Бледный и его шайка делают со мной?!

Еще одна очередь, теперь к кладовщице. Прижимая дневник к груди, я пытаюсь справиться со все возрастающим волнением. Как там делается дыхательная гимнастика? Вдох на четыре счета, задержка на семь, выдох на восемь. Постыдными воспоминаниями пытаюсь вызвать в себе гнев. Я не жертва. Больше не жертва. Сколько можно терпеть издевательства этих отморозков?!

Сжимая в кулаке монеты, иду к лестнице. Вокруг другие дети, но это неважно. Они не помогли мне. Теперь не помогут и им.

Внутри холодею от ужаса, я решительным шагом подхожу к Бледному.

– Гони рюкзак, Вонючка! – он с издевкой смотрит на меня сверху вниз.

Преодолевая оцепенение, бью его по лицу. Кулак напрягаю в последний момент, как учили книги. Я попыталась вложить в удар всю свою силу, но Дик даже не дрогнул. Ответ не заставил себя долго ждать.

В этот раз меня избили по-настоящему. Я плохо помню, как все было. После первого же удара у меня потемнело в глазах, и я упала на пол, закрываясь руками. Краем уха слышала, что монеты разлетелись с печальным звоном. Было больно и страшно. Мысли замерли, и все, что я могла сделать – это молиться Богам, чтобы это поскорее закончилось. Кажется, Бледный наклонился и что-то сказал. Наверное, очередную угрозу, если вдруг я опять попытаюсь от них защититься. Удары прекратились.

Переведя дух, я шевельнулась, и живот пронзило болью. Я издала сдавленный крик. Тяжело дыша, снова скужилась и замерла.

Кого я пыталась обмануть?! Даже если они трусы, меня хулиганы бояться не станут. Да я бы и сама себя не испугалась. Тщедушная маленькая девочка, прочитавшая пару книг о ведении боя. Смешно же!

Будь я мальчиком, у меня был бы шанс. Или не обязательно я... Как было бы здорово, если бы какой-нибудь парень за меня заступился! Желательно, чтобы еще красивый. Я бы в него влюбилась, и он бы меня поцеловал... Как это было бы романтично! Рыцарь в сияющих доспехах, спасший свою даму от страшных монстров! Я с головой окунулась в фантазии...

Очнулась я от холода. Лежать на ледяном и твердом полу – сомнительное удовольствие. Вытерев слезы, я снова пошевелилась. Больно, но терпимо. Рюкзак не было видно. Потом поищу, сначала надо позаботиться о себе. С трудом поднявшись, я побрела в кабинет врача.

– Снимай форму, – скомандовал доктор Вотарг. Я разделась, оставшись только в бюстгальтере и трусиках. Смущенно глядя в пол, я покорно выполняла все указания врача. Он внимательно осмотрел меня, поворачивая в разные стороны. Помял суставы, потрогал живот. Вздыхнув, доктор вернулся за стол и записал что-то в блокнот.

– Можешь одеваться, Мио. Признаков внутреннего кровотечения нет, переломов тоже. Только ушибы с гематомами. Заживляющая мазь у тебя еще осталась?

– Да, – прошептала я разочарованно. Было так больно, а это всего лишь синяки?! Почему-то мне хотелось, чтобы все было серьезно. Казалось, тогда уже хоть кто-то обратит внимание на мою проблему... Хотя я и понимала, что это глупо. Никто ничего не будет делать, даже если меня искалечат.

– Сейчас пройди в процедурный кабинет, обследуем на предмет внутренних повреждений. На всякий случай, просто чтобы убедиться.

Открыв магическую книгу, он записал назначения.

– Хорошо. Я могу идти? – спросила я печально.

– Еще минута, – сказал доктор Вотарг, не отрывая глаз от МК. – Как зовут твою учительницу?

– Профессор Ронна Адамалия.

– Хорошо, – он записал имя в блокнот. – Я поговорю с ней о тебе.

Неожиданно. Доктор Вотарг решил за меня заступиться?!

– Спасибо! Спасибо Вам огромное! – искренне поблагодарила я. – Вот только я не знаю, что Вы можете сделать... Если их накажут из-за меня, они ведь потом на мне отыграются. Мне только хуже будет.

– Не беспокойся об этом. Это задача взрослых – найти решение. А твоя задача – отдыхать и выздоравливать, Мио.

Он ободряюще улыбнулся.

На глаза навернулись слезы благодарности. Неужели он правда сможет вытащить меня из этого кошмара?!

В процедурной меня положили на сканер. Все органы оказались целы, только показатели печени не очень понравились врачу. Но пока ничего страшного, у нас у всех что-то «барахлит».

Вечером я вновь начала мечтать о поцелуе. Ну и что, что доктор Вотарг взрослый. Если не найду никого из ровесников, обязательно его попрошу. Он лучший в этой больнице. Даже если откажет, я хотя бы попытаюсь. Надо только набраться смелости.

Готовясь ко сну, я стягиваю парик. Спутанные каштановые кудри рассыпаются по прикроватной тумбочке. Провожу рукой по сантиметровому «ежику» на голове. Еще пара-тройка месяцев без болезни, и можно будет ходить со своими! Как раз ближе к лету, а то в парике голова потеет, когда жарко.

Я засыпала под теплым одеялом, слушая, как зима бессильно воет сквозняками.

Чтобы отвлечься от ноющей боли, я провела выходные в библиотеке, начав читать «Обреченный роман». Каждый ученик волшебника обязан дать три клятвы на крови. Первая: никогда не использовать магию во вред людям. Те, кто не давал этой клятвы, сразу считаются злыми, даже если они пока не сделали ничего плохого.

Вторая: не создавать людей и что-либо из людей. В первые десятилетия после изобретения магии возникло огромное количество монстров. Их использовали для войн. Эти варварские времена остались в прошлом, поэтому Совет девяти запретил магические эксперименты над людьми.

И третья: никогда не жениться и никак не касаться драгоценных металлов или денег. Волшебство – это огромная сила, и если у ее обладателей будет семья, которую можно взять в заложники, если их можно будет подкупить, то человечество погрузится в хаос. Чародеи обречены на бескорыстное служение людям.

У девушки по имени Миладея была старая мать, которая часто болела. Именно это обстоятельство позволило главной героине познакомиться с волшебником по имени Ромар.

Ее мать ждала своей очереди на исцеление. Когда маг появился в их доме, Миладея сразу поняла, кто перед ней. Темное длинное пальто, на груди ромбовидный медальон с восьмиконечной звездой магов и черные очки, скрывающие взгляд. Ромар устало опустился в кресло рядом с кроватью. Внимательно выслушав жалобы, волшебник коснулся ладонями живота пожилой женщины, и уже через несколько секунд мать Миладеи почувствовала облегчение. Встав, Ромар пошатнулся. Оказалось, он уже 12 часов был на ногах. Его смена закончилась, но отказать в помощи он не имел права. Магов на всех не хватало, а Совет девяти по-прежнему медлил с реформами и не позволял чародеям брать больше трех учеников за раз. Девушка угостила Ромара ужином, и они разговорились. Проникшись проблемами волшебного сообщества, Миладея собрала мирную демонстрацию у стен королевского дворца, требуя увеличить количество учеников магов. Протест был жестоко подавлен, многих арестовали. Выйдя на свободу, Миладея рассказала обо всем волшебнику, когда он в следующий раз пришел лечить ее мать. Ромар был удивлен равнодушием девушки. Они вместе составили обращение к Совету девяти. Последовал формальный ответ, что увеличение числа учеников приведет к ослаблению контроля над ними. Магия – огромная сила, и если ее получит недоучка или хулиган, то это может привести к катастрофе. Но герои не собирались сдаваться.

Прикрываясь болезнью матери, Миладея организовывала их встречи. И вот однажды она призналась Ромару в любви. Не говоря ни слова, он покинул ее дом...

Потерев уставшие глаза, я усмехнулась. Прекрасно, теперь у меня болит не только тело, но и голова. Хорошо отвлеклась!

Очки.

Наступило морозное и темное утро понедельника. Сдав кровь, я поспешила в класс.

– Мио, а ты почему учебники не достаешь? – спросила профессор Адамалия, глядя на пустую парту передо мной.

– Я не знаю, где мой портфель. Спросите Дика, Зейма и Хари, куда они его дели.

Бросив взгляд на мои синяки, учительница раздосадованно махнула кошачьим хвостом и тяжело вздохнула.

– Пока возьми мой учебник. После занятий сходим к кладовщице, она выдаст тебе новый комплект.

Неужели доктор Вотарг все-таки с ней поговорил?! Теперь она верит мне без вопросов... Да наш врач просто ангел! Меня согрела волна благодарности.

Профессор Адамалия начала урок.

– Сегодня мы разберем произведение домагической эпохи. Язык – это живая структура, и он со временем меняется. И хотя мы можем понимать общий смысл, нам было бы сложно объясняться с древними. На странице 47 приведен отрывок текста, написанного семьсот лет назад. Кто хочет попробовать прочесть? Да, Мио!

Я поднялась и взяла в руки книгу. Шрифт был мелким и каким-то смазанным. Он сливался с бумагой. Света ламп не хватало... Я попыталась разобрать буквы.

– Д... Да... Давн... Давным...

Я замолчала. Кто только придумал делать такой маленький шрифт?! Я не могу даже пары слов связать! Мне стало стыдно.

– Что такое, Мио?

– В Вашем учебнике все слишком мелко написано.

– Мио, не выдумывай! Он такой же, каким был твой, – строго сказала учительница.

Обидно. Почему она опять мне не верит?!

– Но ведь это правда! – попыталась оправдаться я. – Вот же, сравните!

И я положила книгу рядом с учебником соседки по парте. Шрифт и там, и там был одинаково мелким и неразборчивым. Как за пару дней мог поменяться текст?! Страшная догадка холодными щупальцами расплзлась по позвоночнику.

– Я... Я не вижу... Не вижу! – прошептала я, глядя на учительницу полными ужаса глазами.

В кабинете доктора Вотарга мне, как всегда, стало спокойно. Я знала, что он обязательно поможет. Всегда помогал.

Врач сказал мне закрыть ладонью один глаз и смотреть на табличку с буквами. Я послушно выполняла все указания, но символы расплывались, превращаясь в нечитаемую массу.

– Как давно жалуешься на зрение?

– Все началось сегодня утром. Да, читать иногда и раньше было трудновато, но я думала, дело в освещении и усталости...

– Головная боль бывает, когда долго сидишь с книгой?

– Да.

– Ясно. Стрессам в последнее время не подвергалась?

Я усмехнулась.

– Дик, Зейм и Хари обзывают меня, бьют, отнимают деньги. А так – нет, вроде бы. А что, это из-за стресса?

– Вполне возможно. Скорее всего, побочка какого-то из лекарств. А стресс снижает иммунитет и способствует появлению побочных эффектов.

Прекрасно. Хулиганы отнимают у меня не только деньги, но и здоровье!

– Но это же можно как-то вылечить, правда? – с надеждой спросила я.

– Сейчас посмотрим...

Доктор Вотарг что-то долго искал в магической книге.

– Очки. Мы сделаем тебе очки.

– Как у волшебников?

Он улыбнулся.

– Почти как у волшебников. Твои будут с прозрачными линзами. Это древняя технология домагической эпохи. К счастью, у нас сохранились сведения о том, как правильно изготовить стекла, а оправы производят до сих пор.

– И я смогу все видеть, как раньше?

Врач отложил магическую книгу и поймал мой взгляд.

– К сожалению, нет. Мио, тебе необходимо будет ежедневно делать зарядку для глаз и снизить нагрузку во избежание дальнейших осложнений. Даже с очками читать можно будет не больше трех часов, и только при дневном свете.

– Но я же тогда буду успевать только уроки делать! А как же книги?!

– Придется от этого отказаться. Больше гуляй на свежем воздухе, играй с другими детьми.

Чтение тебе противопоказано.

Нет. Это неправда, неправда! Боги не могут отнять у меня еще и это!

– Но, может, все-таки... – умоляющим тоном начала я.

– Мио, это серьезно. Мне жаль, но ты можешь ослепнуть, – предупредил доктор Вотарг. –

И постарайся не подвергаться стрессам. Береги здоровье.

В моих ушах это прозвучало почти как издевка.

– Я... я постараюсь... – прошептала я удрученно.

Без книг жизнь казалась пресной и серой. Не выдержав, на следующий день я все же отправилась в библиотеку и вновь открыла «Обреченный роман». Все-таки три часа в день у меня есть, так? Доктор Вотарг же не сказал, что без очков вообще нельзя... Уточнять я специально не стала.

Буквы расплывались перед глазами, двоились, сливались в пушистые чернильные пятна. Я усилием воли заставила себя сосредоточиться. Сощурила глаза. Чернильный ореол немного уменьшился. Может, дело в расстоянии? Я попробовала опустить книгу ниже, на всю длину рук. Ура! Буквы по-прежнему двоились, стали меньше, но теперь я хотя бы могла их различить.

«Без... без сомнения... Миладея была... раз... раздавлена? Нет, раз-до-са... раздосадована... его... побегом...»

Строчки разбежались под моим взглядом, но я упрямо возвращалась к чтению. Так закончился абзац, затем второй, третий... Я начала погружаться в сюжет. Миладея была обижена на волшебника за то, что он сбежал после ее признания. На следующий день Ромар снова появился на пороге ее дома. Он сказал, что тоже ее любит, но боится, что им обоим это не принесет ничего, кроме боли. Ведь он не может нарушить кровавую клятву. Они никогда не поженились, да и свободного времени у волшебников почти нет. Однако Миладее было все равно. И она уже готова была броситься в его объятия... но тут у меня заболела голова. Словно кто-то изнутри давил на виски, лоб, глазницы. Я отложила книгу. Две страницы. Всего две долбаные страницы?!

У меня задрожали губы. Слезы потекли по щекам, дыхание сбилось. Да сколько можно уже?! Когда я уже умру?! В этой жизни я любила всего две вещи – шоколад и книги. И вот

теперь я лишилась всего! Сейчас еще эти уроды начнут приставать, почему это я не учу уроки?! А я не могу, я не вижу, что там в ваших дурацких учебниках! Поскорей бы я уже заболела и умерла...

Я закрыла лицо руками и разрыдалась. Что еще я могла сделать?!

Кто-то присел рядом на диван. Это была библиограф Колисса.

– Эй, ну ты чего! – она смотрела тепло и сочувственно. – Тебя ведь Миоланта зовут, правильно?

– Да... Мио, – всхлипнула я.

– Почему же ты плачешь, Мио?

– Потому что... потому что я больше... не могу читать! – я пыталась вытереть слезы ладонями, но они только размазывались по щекам. Я чувствовала себя некрасивой и жалкой. – Мальчики отнимают у меня все деньги, они меня бьют, а никто ничего не хочет делать! А мне нельзя волноваться, от стресса сильнее проявляются побочки. И вот теперь из-за них я потеряла зрение, и больше не смогу читать! Даже с очками, которые для меня сделают! Я теперь практически слепая! Можно попрощаться с книгами!

Я в сердцах бросила на пол «Обреченный роман». Девушка вздрогнула.

– Извините, – смущенно прошептала я, поднимая книгу. Колисса погладила меня по плечу и вздохнула.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросила она сочувственно.

Я с веселостью отчаяния улыбнулась:

– Можно. Можно смириться. Принять это, как подарок Богов. И тратить время на что-то другое, кроме чтения. Вот только я не хочу! Я хочу читать, мне не нужно ничего другого! Зачем мне это время, если я не могу делать то, что мне нравится?!

– Мне очень жаль, Мио, – прошептала Колисса. Меж ее бровей пролегла складка. – Как же так! Ты ведь такая хорошая девочка! Стремись к знаниям, часто ходишь в библиотеку, всегда вежливо здороваешься...

– Спасибо, – смущенно поблагодарила я, вытирая слезы рукавом.

– Знаешь, пожалуй, я могла бы тебе помочь, – задумчиво пробормотала себе под нос библиограф. – Подожди-ка меня здесь!

Она вернулась, держа в руках магическую книгу.

– Возьми. Я сейчас пойду на перерыв, и в это время ты можешь использовать мою МК.

– Спасибо, но ведь я не вижу... – и тут меня осенило. – Волшебная книга может увеличивать буквы?!

– И это тоже, – на лице Колиссы заиграла хитрая и довольная улыбка фокусника. – Скажи, Мио, какую книгу ты сейчас читаешь?

– «Обреченный роман»...

– МК, найди «Обреченный роман»!

На белых страницах появился текст.

– МК, читай!

Из книги послышался хорошо поставленный низкий женский голос:

– «Обреченный роман». Эрнерика Халли. Глава первая. Прежде чем начать обучение у волшебника, мальчик должен дать три клятвы на крови...

Я изумленно смотрела на книгу.

– Она и такое может?!

– Остановись, МК! – скомандовала Колисса. – Ей можно управлять голосом, можно писать команды поверх текста – она понимает и так, и так.

– Ого, как здорово! – восхитилась я.

– Если скажешь: «Читай только для меня», то лишь ты будешь слышать МК. Чтобы никому не мешать, пожалуйста, всегда так делай.

– Хорошо! – я не могла поверить своему счастью.

– МК может найти любую существующую в мире книгу, не только те, что есть в нашей библиотеке. Управлять ей легко. Она понимает любые команды. «Найди», «Остановись», «Продолжай», «Громче», «Тише», «Следующая глава», «Предыдущий абзац» и так далее. Ты все поняла, Мио?

– Да! Спасибо огромное!

Колисса помедлила:

– Ты же понимаешь, что нам не полагается давать детям наши МК? Если кто-то донесет руководству, у меня могут быть проблемы.

– Обещаю, я никому не скажу! Я буду осторожна!

– Очень на это надеюсь, – улыбнулась библиограф. – Перелистывай страницы время от времени, чтобы не привлекать лишнее внимание. Что ж, увидимся через час, Мио!

Я ликовала. Мне не придется ждать очки, чтобы продолжить чтение! И я даже рекомендации врача не нарушу! Это же просто волшебство, в прямом смысле!

Вечером, засыпая, я снова поверила в доброту Богов и людей.

Подкараулив после уроков, Бледный схватил меня за шею:

– Стоять! Ты что там опять про нас наплела, Вонючка? Чего ж ты такая тупая!

Доктор Вотарг рассказал им обо мне? Зачем?! Я же просила этого не делать!

– Я тут ни при чем! Я ничего не говорила врачу, он сам пошел к профессору Адамалии! – соврала я, вжавшись в стену. Синяки на спине отдались легкой болью. – Это она, это все она! Если не хотите, чтобы я ходила к доктору – не бейте!

– А ты не рыпайся!

– Не буду! Только не бейте!

Как легко с моих губ сорвалась ложь! Я ведь даже подумать не успела...

Они превращают меня в ужасного человека. Я теперь способна кого-то ударить, я вру, я готова сваливать свою вину на других, я даже хотела забросить учебу. Мне стало плохо. Таковую, какая я теперь, уж точно никто не захочет целовать.

– Смотри, если соврала – получишь! – пригрозил Бледный и отпустил меня. Чуть поодаль стоял Рой – мальчик, которого перевели в новый класс вместе со мной. Я устремила на него беспомощный взгляд. Как было бы здорово, если бы он вступился за меня! Он еще и симпатичный... Рой беспокойно дернулся.

– Чего пялишься, Вонючка? – неуверенно сказал он.

Мне словно дали пощечину. Нет, я не ждала, что он и впрямь меня защитит. Однако я и представить не могла, что он присоединится к травле. Ведь он же обычный, мы же с ним вместе учились еще до перевода! В глазах зашипало.

– Я не «Вонючка»! – неожиданно даже для себя возразила я. – От меня не воняет!

Рой бросил растерянный взгляд на Бледного. Тот с любопытством наблюдал, не вмешиваясь.

– Воняет! Еще как воняет, – Рой демонстративно заткнул нос пальцами. – Ты просто привыкла, поэтому не чувствуешь, как от тебя пасет! Да тобой бы даже Пожиратель младенцев побрезговал!

Меня как будто окунули в холодную воду. Неужели это правда?! Бледный и его шайка – отморозки, я их словам никогда не верила, но Рой... Я же знаю, что он нормальный, я же с ним столько лет вместе училась еще до перевода в новый класс! Действительно, почему из всех видов оскорблений хулиганы выбрали именно «Вонючку»? Неужели от меня на самом деле пахнет?! Может, будь это не так, они бы ко мне и не пристали...

Я побежала в душ. Сняв рубашку, я поднесла ее к лицу и втянула воздух. Пахнет. Немножко, но, может, это для меня немножко, потому что я привыкла... Сняв туфли, я понюхала и их. Да, запах, действительно, неприятный... А если он еще и в разы сильнее, чем чувствую я, то ничего удивительного, что меня стали называть «Вонючкой»! Содрогаясь от отвращения к собственному телу, я разделась полностью, включила воду и задернула занавеску. Теплые струи принесли облегчение. Я выдавила на мочалку жидкое мыло и втянула носом цветочный аромат. Да, так гораздо лучше. Теперь буду всегда пахнуть мылом. Надо просто мыться почаще. И, может, не смывать средство до конца, чтобы запах держался подольше...

Душ.

Теплый душ быстро стал важной частью моей жизни. Обязательно с утра, пока остальные дети умывались, после обеда, затем после процедур, перед тем как пойти в библиотеку. И, конечно же, как и все – перед сном. Иногда получалось и чаще, когда просто хотелось согреться. Все-таки зима. Теперь, когда я уже не могла читать часами, мне было не жалко на это времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.